

Н. Б. Тер-Акопян

ПОДХОД МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА К ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО- ОБЩЕСТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МОРГАНА

Проблема, которой посвящена настоящая статья, давно привлекает внимание исследователей. К ней не раз обращались и советские, и зарубежные авторы, представители различных школ и направлений, ее не раз и по-разному интерпретировали и решали.

И все же характер связи между открытиями Морганя и их обобщением в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, соотношение конкретной теории первобытного общества, выдвинутой Л. Г. Морганом, и развития общей теории исторического материализма Марксом и Энгельсом в последний период их творческой деятельности до сих пор остаются еще не вполне ясными. А между тем речь идет об одной из узловых проблем как истории марксизма, так и истории науки о первобытном обществе. Причины такой незавершенности исследований кроются, очевидно, в самом подходе к проблеме. До недавнего времени большинство авторов ограничивалось главным образом рассмотрением связи между двумя работами — «Древним обществом» Морганя и «Происхождением семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Даже составленный Марксом конспект книги Морганя — основное связующее звено между обоими произведениями — попал в поле зрения исследователей лишь спустя шесть десятилетий после выхода в свет книги Энгельса¹. Что касается других работ или отдельных высказываний Маркса и Энгельса, касающихся вопросов истории первобытного общества, то к ним обращались значительно реже или во всяком случае их не рассматривали систематически в контексте интересующей нас проблемы². Поэтому при подходе к этой проблеме было бы целесообразно рассмотреть высказывания Маркса и Энгельса о первобытном обществе в период, когда они еще не были знакомы с открытиями Морганя, учитывая также, что Энгельс прочитал «Древнее общество» на несколько лет позже Маркса. Столь же важно при этом охарактеризовать место открытий Морганя в истории науки, развитие его взглядов и исторические судьбы его учения.

¹ Ее первое издание появилось в 1884 г. (*F. Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. Hottingen-Zürich*), а конспект Маркса впервые был опубликован в 1946 г. («Архив Маркса и Энгельса», IX).

² Краткое изложение распространенной в советской науке точки зрения на создание марксистской концепции первобытной истории см. в кн.: *А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества*. М., 1974, с. 20—21. Эта проблема нашла отражение в ряде работ, вышедших в 60—70-е годы. См. например: *Ю. И. Семенов. Учение Морганя, марксизм и современная этнография*. — «Сов. этнография», 1964, № 4; *И. А. Крывелев. Маркс и некоторые проблемы этнографии*. — Там же, 1968, № 2; *Н. Б. Тер-Акопян. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации*. — «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968; *Л. И. Гольман. Разработка первобытной истории*. — «Энгельс — теоретик». М., 1970; *С. А. Токарев. История зарубежной этнографии*. М., 1978, с. 64—86.

Разумеется, в одной статье эти предварительные условия могут быть выполнены лишь весьма схематично, лишь настолько, насколько это необходимо для постановки вопроса.

Основополагающие работы Моргана появились в то время, когда процесс формирования истории первобытного общества как самостоятельной научной дисциплины находился в своей завершающей стадии. Историки науки, описывая эту стадию, обычно наряду с именем Моргана называют целый ряд имен его современников, внесших, по их мнению, равноценный или по крайней мере сопоставимый вклад в создание фундамента новой науки, таких, как Э. Тэйлор, Дж. Мак-Леннан, Г. Мейн, И. Бахофен, Дж. Леббок и др. Между тем Маркс и Энгельс выделяли открытия Моргана именно как решающий фактор в становлении науки о первобытном обществе³. Таким образом, в определенном аспекте рассматриваемая проблема сводится к вопросу о том, какие были основания у Маркса и Энгельса для подобного выделения моргановской теории и, напротив, критики некоторых (названных выше) его современников.

Открытия Моргана, его теория не были делом простого случая или какого-либо преходящего увлечения, хотя и то и другое играло, конечно, определенную роль. Они были делом всей жизни этого выдающегося американского ученого, и его жизненный путь был тесно связан с позицией, занятой им в науке. Между тем хотя основные внешние факты биографии Моргана и были известны, его внутренняя жизнь, подлинное отношение Моргана к окружающей среде и ее ценностям на протяжении долгого времени освещались односторонне и по сути дела неверно. О нем писали как о заурядном представителе верхних слоев американской буржуазии, ничем не выдававшемся над уровнем своего времени и своего класса. Его изображали благочестивым членом пресвитерианской общины, либералом и конформистом⁴. Лишь постепенно, в результате многолетних исследований удалось воссоздать подлинный облик этого ученого⁵. Он был подвижником в науке, неутомимо искавшим истину, — ни трагедия его личной жизни, ни предрассудки класса, к которому он принадлежал, не могли сломить его волю. Непримиримый противник рабства, враг аристократических режимов, Морган неизменно выступал на защиту угнетенных, будь то американские индейцы или парижские коммунары. Он не был, конечно, свободен от иллюзий в социальных вопросах. Он верил, например, в возможность более равномерного распределения богатства при существующем строе. Но ведь это было в Америке середины прошлого века, когда простор для капиталистического развития был еще очень велик. В то же время Морган уже уловил тенденции этого развития и сделал смелый и глубокий вывод о неминуемой «гибели общества... единственной целью которого оказывается богатство»⁶.

Морган был, как справедливо заметил один из современных исследователей, «сыном... буржуазной революции»⁷. Он сохранил присущую революционерам смелость и непредвзятость мышления, и эти качества в значительной мере способствовали его научным открытиям.

В самом начале научного пути Моргана некоторую роль, по-видимому, сыграла счастливая случайность. По крайней мере когда он со своими друзьями учреждал в 1840 г. «Великий орден ирокезов» — общество для поощрения добрых чувств к индейцам, имелись в виду не столько

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 97.

⁴ М. О. Косвен. Л. Г. Морган. Жизнь и учение. Л., 1933, с. 5—7.

⁵ Обобщение основных результатов этих исследований см.: Ю. И. Семенов. Льюис Генри Морган: легенда и действительность. — «Сов. этнография», 1968, № 6; Ю. П. Аверкиева. У истоков современной этнографии. — Там же, 1978, № 1.

⁶ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, с. 329.

⁷ L. A. White. Introduction. — L. H. Morgan. Ancient society. Cambridge, Mass., 1964, p. XXXV.

научные, сколько практические цели. Однако в конце концов научные результаты деятельности Моргана оказались неизмеримо важнее всего остального: его наблюдения над жизнью индейцев и опыт правовой защиты их интересов воплотились в фундаментальном труде «Союз ирокезов»⁸. Никогда еще общественный строй, быт, нравы, материальная и духовная культура народа, стоявшего вне рамок современного социального строя, не были описаны с таким глубоким проникновением в существо дела и с такой методичностью. Ни один ученый до Моргана не был в такой степени свободен от предрассудков и предвзятых мерок представителя «высшей культуры» или «высшей расы». Его политические убеждения предопределили в значительной мере объективный характер и достоинства его исследования. Значение этой книги Моргана чрезвычайно велико. Можно вполне согласиться с теми авторами, которые полагают, что это был первый научный труд по этнографии. Более того, работа Моргана по сути дела положила начало самой этнографической науке⁹.

В книге не только были изложены и обобщены результаты широкого полевого исследования, которое стало образцом для многих поколений этнографов, но уже содержались и зародыши тех идей, развитие которых впоследствии привело Моргана к его важнейшим открытиям. В этой связи в литературе о Моргане встречается много указаний на то, что он фактически уже в «Союзе ирокезов» описал родовой строй и провел также различие между обществами, основанными на узах родства, и такими, которые объединены гражданскими институтами. Однако самому Моргану тогда еще не был до конца ясен смысл, заложенный в его наблюдениях. Он не ввел даже специального термина «род», удовлетворившись расплывчатым обозначением «племя». Кроме того, он полагал, что описанная им общественная структура была создана искусственно, а не сложилась естественным путем в ходе исторического развития. Но эта ограниченность трактовки не помешала Моргану нащупать правильный путь к дальнейшим исследованиям.

Ключом к раскрытию сущности строя ирокезского сообщества послужила зафиксированная Морганом терминология родства у ирокезов, которую он впоследствии назвал классификационной, поскольку каждый термин относился к целому классу (группе) родственников. Вначале Морган полагал, что эта терминология — специфическая особенность ирокезов, но, натолкнувшись на подобные же обозначения родственных отношений и у других индейских племен, в особенности у оджибве (1858 г.), принадлежавших к иной языковой группе, он решил, что такая терминология должна быть распространена и в Азии, откуда, как считалось, переселились в Америку индейские племена. Несколько экспедиций, предпринятых Морганом в самой Америке в конце 50-х — начале 60-х годов, и одновременно анкеты, разосланные американским дипломатам и миссионерам в различных странах (Морган выступил в качестве пионера и в применении анкетной методики), дали возможность сосредоточить материал по социальной структуре 139 народов из самых разнообразных регионов мира.

Анализ полученного материала позволил Моргану выявить общие закономерности эволюции рода и семьи, проследить связь между изменением этих социальных форм и уровнем хозяйства и, наконец, определить основные стадии их развития во всемирно-историческом масштабе. Результаты этих исследований, сведенные в таблицы и опубликованные вместе с основными выводами в обширном фоллианте под названием «Системы родства и свойства человеческой семьи»¹⁰, вновь оказались зна-

⁸ L. H. Morgan. League of the Ho-de'-no-sau-nee, or Iroquois. Rochester, 1851.

⁹ Ю. П. Аверкиева. Указ. раб., с. 15, 16.

¹⁰ L. H. Morgan. Systems of consanguinity and affinity of the Human family. Washington, 1871.

чительно более важными и глубокими, чем цель, поставленная Морганом, — доказать родство индейцев с азиатскими народами.

Следующим шагом Моргана была глубокая и всесторонняя разработка теории в его главном труде «Древнее общество»¹¹. Обобщение собственных этнографических материалов сочетается здесь с анализом исторических данных, извлеченных из античных источников и новой европейской литературы, и с критическим рассмотрением современных научных гипотез. Теория Моргана вошла в мировую науку именно в том виде, который он придал ей в этом труде. Как истинный ученый он продолжал развивать и уточнять свою теорию и успел завершить еще одну значительную работу — «Дома и домашняя жизнь американских индейцев»¹², содержащую дальнейшую конкретизацию материалистического подхода к первобытной истории.

Концепция, изложенная Морганом в «Древнем обществе», пронизана идеей восходящего развития человечества и направлена против метафизических представлений о неизменном изначальном состоянии общества, особенно против псевдонаучной теории деградации, которая якобы была причиной отпадения некоторых народов от цивилизации. Выдвинутое им различие между двумя формами организации, или, по выражению Моргана, двумя «планами» общества, выступает как деление на две исторические эпохи. Они в свою очередь подразделяются на ступени развития, или «этнические периоды», обозначенные восходящими к античности понятиями «дикости», «варварства» и «цивилизации», которые Морган наполняет материалистическим содержанием. В качестве критерия периодизации Морган выдвигает уровень развития производительных сил («средства добывания пищи» и «открытия и изобретения»). В основе всей теории первобытного строя Моргана — категория рода. Род рассматривается им теперь как естественная форма организации управления коллективом, возникшая в результате постепенного регулирования взаимоотношений между племенами. Этот же процесс приводит и к образованию семьи. Род и семья проходят ряд стадий в своем развитии, соответствующих ступеням развития производительных сил.

В рамках родового общества возникают более сложные и широкие сообщества, такие, как племя и союз племен.

Последняя стадия родового строя характеризовалась, по Моргану, быстрым развитием частной собственности и, соответственно, разложением устоев первобытного общества. Этот процесс увенчивается созданием политических институтов и установлением цивилизации, когда связи по территории и государственное управление вытесняют прежние связи по родству и демократическое самоуправление первобытных коллективов. Так человечество переходит ко второму «плану» организации общества, к эпохе, отличительными чертами которой являются стремление к наживе и стремительный рост частного богатства. Морган, как уже говорилось, пришел к выводу о неминуемой гибели этого общества. Морган не ограничился, однако, этим утверждением, он предсказал также переход общества к новой ступени развития, которая «будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов»¹³.

Путь Моргана в науке можно рассматривать под разными углами зрения. В плане теории познания, например, развитие моргановской концепции являет собой классический пример движения мысли от единичного через особенное к всеобщему. В плане историографии творческий путь Моргана в значительной мере совпадает с завершающей ста-

¹¹ L. H. Morgan. Ancient society or Researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilisation. London, 1877.

¹² L. H. Morgan. Houses and houselife of the American aborigines. Washington, 1881.

¹³ Л. Г. Морган. Древнее общество, с. 329.

дней процесса возникновения самой науки о первобытном обществе. От изучения современного состояния конкретного народа и разработки при этом методов зарождающейся научной дисциплины — этнографии, Морган обратился к использованию самой этнографии как основного метода для реконструкции истории первобытного общества. Нередкий случай, когда достижения одной самостоятельной отрасли науки применяются как метод исследования в рамках другой науки.

Творчество Моргана можно было бы рассмотреть также в более широком плане истории науки — как проверку выдвинутых XVIII в. идей и их конкретизацию — или, напротив, оценить значение открытий Моргана в свете достижений современной науки. И о том, и о другом уже не раз писали. Для нашей темы важна оценка теории Моргана с точки зрения ее социальной значимости и выводов, которые из нее вытекали.

Изучая положение и быт индейских племен, стоявших как бы вне современного сообщества, составлявших своеобразный социальный анклав, Морган, казалось, отдалялся от главных современных социальных конфликтов или по крайней мере наблюдал только их периферию. Рамки буржуазной демократии представлялись ему достаточно широкими для того, чтобы обеспечить американским индейцам материальное и моральное равенство в новом сообществе. Но в результате своих исследований Морган пришел к диаметрально противоположному выводу о необходимости упразднения буржуазного общества.

Маркс и Энгельс начали свой путь в науку в те же годы, что и Морган. Но проблемы, с которыми они сталкивались в окружающей их действительности и в теоретической борьбе, были существенно иными. Они находились на переднем крае самого современного классового конфликта, и перед ними стояла совершенно иная задача: найти путь к построению нового общества. Казалось бы, первобытная история не должна была занимать места в их исследованиях. Тем не менее она была необходима при разработке общей материалистической теории исторического процесса.

Поэтому уже в ранних произведениях и письмах Маркса и Энгельса встречаются высказывания, характеризующие те или иные стороны процесса становления человеческого общества и человека, а в более поздних работах имеются и специальные разделы, посвященные этим проблемам.

Первым шагом на пути создания материалистической теории первобытного общества было преодоление религиозного христианского мировоззрения. Уже сама критика библейских мифов влекла за собой постановку вопроса о происхождении человека. Этим мифам Маркс первоначально противопоставлял тезис о природной сущности человека. Но отличие человека от других созданий природы он видел в его сознательном воздействии на природу. Маркс при этом подчеркивал, что всякое взаимодействие природы и человека опосредуется обществом¹⁴. «Только в обществе,— пишет Маркс,— природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком... только в обществе природа выступает как основа его собственного человеческого бытия»¹⁵.

Преобразование природы, «антропологический» характер, который она приобретает в результате воздействия человека, составляет основное содержание исторического процесса. «История является действительной частью истории природы, становления природы человеком». «Вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека»¹⁶. Итак, и человек, и человеческое общество возникают благодаря процессу взаимодействия с природой, процессу труда.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 89, 92—94, 118.

¹⁵ Там же, с. 118.

¹⁶ Там же, с. 124, 126.

К сходным выводам приходил в своих исследованиях, выполненных независимо от Маркса, и Фридрих Энгельс. Из борьбы с природой, писал он в одной из своих статей, возникает «ясное понимание единства человека и природы». Наш век движется, отмечал он в другой работе, навстречу «великому перевороту», «примирению человечества с природой и с самим собой»¹⁷.

В ранних работах Маркса и Энгельса еще не содержится конкретной характеристики первоначального состояния человеческого общества. Здесь встречаются упоминания и о «естественном» состоянии, и о «дикаре», уровень которого мало чем отличается от уровня животного «по потребности в охоте, в движении..., в общении с себе подобными»¹⁸.

Однако в «Экономически-философских рукописях 1844 года» Маркс уже предпринял попытку рассмотреть теоретически вопрос о характере первобытного общества. В результате Маркс пришел к следующим выводам. Анализ современного капиталистического общества показывает, что оно возникло в результате отчуждения труда, к которому приводило все предшествующее историческое развитие. Раскрывая смысл этого понятия, Маркс указывает, что речь идет о возникновении частной собственности, о присвоении собственником средств производства продукта труда непосредственного производителя. В конечном итоге возникает противоречие между трудом и капиталом, разрешением которого должна стать коммунизм. «Коммунизм как положительное упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека*» есть поэтому «возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому». Коммунизм является решением «загадки истории», он дает «действительное разрешение противоречия между человеком и природой»¹⁹.

Это «возвращение человека к самому себе» представляет собой высшую ступень, отрицание отрицания предшествующего развития. В этом подходе Маркса подразумевается, таким образом, что общество и на первоначальной ступени носило коммунистический характер, что в «естественном состоянии» не только не была нарушена гармония между человеком и природой, но она также сохранялась и внутри человеческого общества.

Маркс, как видим, начинает с того, к чему Морган пришел после 30 лет кропотливых исследований.

Свою концепцию первобытной истории Маркс и Энгельс впервые изложили в относительно полном виде в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.). Энциклопедические знания и уже разработанный ими к тому времени диалектико-материалистический метод позволили им в период, когда еще не существовало первобытной истории как самостоятельной научной дисциплины, создать основу материалистической теории первобытного общества.

Рассмотрение проблем первобытной истории в «Немецкой идеологии» начинается с анализа природных основ человеческой истории. «Всякая историография,— отмечают Маркс и Энгельс,— должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они благодаря деятельности людей подвергаются в ходе истории». «Чисто эмпирическим путем» устанавливается «первая предпосылка» всякой истории — «существование живых человеческих индивидов» с соответствующей телесной организацией, обуславливающей их отношение «к остальной природе».

Отличие человека от животных рассматривается уже в историческом плане и по сути дела одновременно представляет собой постановку во-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 593, 551.

¹⁸ Там же, с. 86; т. 42, с. 130.

¹⁹ Там же, т. 42, с. 116, см. также с. 126.

■проса о происхождении человека. Возникновение человека мыслится как длительный процесс. Люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им жизненные средства». Способ производства, с одной стороны, обуславливает производство самих индивидов, с другой — их «образ жизни»²⁰.

Маркс и Энгельс различают пять основных сторон социальной деятельности, иначе говоря, пять первичных исторических отношений. Вслед за производством жизненных средств идет порождение новых потребностей. Наряду с этим «с самого начала» включается «в ход исторического развития... третье отношение» — по производству людей. «Это семья, которая вначале была единственным социальным отношением... впоследствии становится подчиненным отношением»²¹.

Разумеется, представление о семье как о первоначальной социальной единице общества было обусловлено отсутствием научных данных, о чем и писал Энгельс впоследствии²². Но семья здесь рассматривается только в одном аспекте, а именно как отношение, регулирующее производство людей, — фактор, значение которого в историческом процессе приравнивается к производству жизненных средств. Маркс и Энгельс придавали особое значение также и росту населения как явлению, лежащему в основе и потребностей, и производства.

В качестве еще одной стороны первичных исторических отношений Маркс и Энгельс выделяют отношения общения. «Производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством деторождения — выступает сразу же в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения», иначе говоря, «совместной деятельности»²³. Отношения общения приобретают различные формы в зависимости от развития производительных сил. Определенному способу производства соответствует определенная форма общения, причем эта форма общения, или способ совместной деятельности, в свою очередь является производительной силой.

Наконец, в качестве одной из сторон первичных исторических отношений рассматривается также сознание. Вначале оно «носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени». «Стадное», «племенное» сознание представляет собой в сущности «осознанный инстинкт». С одной стороны, «это — чисто животное сознание природы (обожествление природы)», с другой — сознание «ближайшей чувственно воспринимаемой среды и... ограниченной связи с другими лицами и вещами». Но вместе с тем примитивное сознание является «началом осознания того, что человек вообще живет в обществе».

Сознание не существует, однако, само по себе, в «чистом» виде. Оно неразрывно связано с языком. «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое... действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»²⁴.

Первичные исторические отношения рассматриваются и как исходные отношения, с возникновением которых происходит выделение человека и человеческого общества из животного царства, и вместе с тем как отношения, лежащие в основе исторически более поздних и развитых ступеней, или форм, общества. Маркс и Энгельс различали в «Немец-

---

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистических воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966, с. 22, 23.

²¹ Там же, с. 36, 37, 38.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 215; т. 4, с. 424.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., с. 38.

²⁴ Там же, с. 39, 40.

кой идеологии» три ступени, предшествовавшие буржуазному строю общества: племенную, античную и феодальную — и соответственно племенную, античную и феодальную формы собственности. В основе этой периодизации лежит, таким образом, экономический критерий, ибо собственность, как показывают Маркс и Энгельс, есть непосредственный результат и необходимое условие развития производства.

Племенная форма собственности, открывающая этот ряд, и представляет собой первую попытку выделить первобытное общество как особую эпоху в историческом развитии человечества. Правда, Маркс и Энгельс опираются при этом на исторические сведения об античных и германских племенах в период, непосредственно предшествовавший возникновению государства. Поэтому понятия «племенной строй» и «племенная собственность» отражают поздний, завершающий этап первобытной эпохи. Начало же ее относится к периоду, когда «природа еще почти не видоизменена ходом истории», и только с ростом населения начинает развиваться производительность труда²⁵. Одновременно развивается и разделение труда, которое вначале также носило лишь естественный характер. Но на стадии племенной собственности производство еще развито слабо, люди еще живут «охотой и рыболовством, скотоводством или самое большее, земледелием». Соответственно этому ограниченному отношению к природе не развиты еще и отношения общения, в данном случае племенной строй, хотя они претерпели известное развитие по сравнению с первоначальными. Семья расширилась, превратившись из простой в «сложную», развилось рабство, ранее существовавшее в семье в скрытом виде²⁶.

Структура расширившейся семьи, т. е. племени, выглядит следующим образом: «патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы». Племенной строй рассматривается как необходимая стадия, через которую проходят различные народы. Хотя племенная собственность и носит общий характер, тем не менее при племенном строе и даже раньше, у «дикарей», уже существует обособленное хозяйство и отдельное жилище²⁷. Таким образом, Маркс и Энгельс в соответствии с материалами, которыми они в то время располагали, отмечают факты, связанные с разложением первобытной общины, с возникновением варварских обществ.

Такова была концепция первобытной истории, выдвинутая Марксом и Энгельсом в это время. Несмотря на то что впоследствии, по мере накопления фактов, в нее вносились существенные изменения, ядро ее сохранилось, и более поздние взгляды Маркса и Энгельса были органическим развитием этой первоначальной теории.

С начала 50-х годов центральное место в исследованиях Маркса занимает политическая экономия капитализма. Обращаясь в ходе этих исследований к истории возникновения буржуазных отношений, Маркс разработал также методологический подход к изучению докапиталистических общественных формаций. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» он изложил свой вывод о том, что экономика более развитой формации, позволяя «заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено», дает ключ к пониманию предшествующих формаций²⁸. В «Капитале» Маркс указывает на средства труда как критерий различения формаций, ибо они «не только мерило развития рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд». Маркс подчеркивает при этом, что «остан-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах..., с. 40.

²⁶ Там же, с. 25, 47.

²⁷ Там же, с. 25, 91, 80.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

ки средств труда» имеют решающее значение «для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»²⁹.

Характеризуя отдельные формации, Маркс в ряде случаев обращается и к проблемам истории первобытного общества. Так, рассматривая процесс труда и выделяя признаки специфически человеческой его формы (создание средств труда и осуществление сознательной цели при изменении формы природных вещей), он отмечает, что такой труд отделен от первоначальных живоотнообразных инстинктивных его форм «огромным интервалом»³⁰. Не исключено, что именно данное высказывание Маркса, характеризующее сущность процесса становления человека, послужило отправным пунктом для предпринятого впоследствии Энгельсом исследования «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»³¹, которое явилось важной вехой в развитии теории антропо- и социогенеза.

Прослеживая историческое развитие категорий политической экономии и отражаемых ими реальных связей и отношений, Маркс показал, что место и значение отдельных категорий меняются в различных формациях. «Каждая форма общества, — писал он, — имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений»³².

Если в буржуазном обществе определяющим видом производства являлась промышленность, то в докапиталистических формах общества ведущим было земледелие. К этим формам Маркс наряду с феодальным и античным относит также первобытное общество с того момента, когда там возникает производящее хозяйство³³.

Маркс рассматривает присваивающее и производящее хозяйства как две ступени, две последовательные стадии развития первобытной экономики, грань между этими формами хозяйства носила подвижный, переходящий характер и была снята в ходе исторического развития³⁴.

Подход Маркса к экономическим закономерностям первобытного общества отчетливо проявляется в критике им в «Капитале» представителей буржуазной политической экономии. Анализируя проблему воспроизводства, Маркс показывает несостоятельность утверждений английского вульгарного экономиста Н. У. Сениора, усматривавшего разницу между промышленным производством в условиях капитализма и изготовлением орудий труда в первобытном обществе в том, что «дикарь» не занимается накоплением капитала (на языке Сениора: «не практикует воздержания»³⁵), хотя и расходует свой труд при этом таким образом, что он не дает ему предметов потребления. Возражая Сениору, Маркс отмечает, что на самом деле дикарь удовлетворяет «свою потребность в средствах производства и ничего более» и отчетливо это сознает³⁶. Маркс разъясняет, что поскольку в начальный период истории че-

²⁹ Там же, т. 23, с. 191.

³⁰ Там же, с. 189.

³¹ Там же, т. 20, с. 486—499. Об этой работе Энгельса см.: Г. А. Багатурия. Роль Энгельса в разработке материалистического понимания истории. — «Энгельс — теоретик», с. 189—199; В. П. Алексеев. Теоретическое наследие Энгельса и антропологическая наука. — «Сов. этнография», 1971, № 2; Н. Б. Тер-Акопян. Фридрих Энгельс о проблеме становления человека. — Там же, 1976, № 6; М. И. Урысон. Дарвин, Энгельс и некоторые проблемы антропогенеза. — Там же, 1978, № 3.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 43. О принципах подхода Маркса и Энгельса к исследованию экономики докапиталистических формаций см.: А. И. Малыш. Формирование марксистской политической экономии. М., 1966, с. 263—315; *его же*. Энгельс и некоторые вопросы политической экономии. — «Энгельс — теоретик», с. 74—128.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 44.

³⁴ Там же, с. 481, 482.

³⁵ Там же, т. 23, с. 610.

³⁶ Там же, т. 24, с. 497.

ловческого общества нет еще произведенных средств производства, то, стало быть, не существует и постоянного капитала, который должен быть возмещен при простом воспроизводстве. Поэтому хотя процесс изготовления средств производства в первобытном обществе, «если рассматривать его только с вещественной стороны... совершенно соответствует обратному превращению прибавочного труда в новый капитал», на самом деле он имеет другое содержание³⁷. После затраты части труда на присвоение жизненных средств, доставляемых природой, первобытный человек получает возможность затратить некоторое время «на превращение других продуктов природы в средства производства»³⁸.

При этом, с точки зрения капиталистической экономики, он впадает «в тяжкое... прегрешение, вследствие полного равнодушия к тому, сколько времени он на это затрачивает». Приводя этот последний аргумент, Маркс ссылается на конкретные факты, вошедшие в этнографическую науку³⁹.

Попытки вульгарного применения категорий политической экономии капитализма к первобытному обществу критиковал также Энгельс. Он неизменно подчеркивал исторически преходящий характер этих категорий. Так, в письме к немецкому экономисту В. Зомбарту Энгельс подверг критическому разбору его изложение взглядов Маркса, подчеркнув, в частности, что о стоимостях можно говорить лишь применительно к тем формам общества, «где существует *товарообмен*, соответственно товарное производство». «Первобытный коммунизм, — писал Энгельс, — не знал стоимости»⁴⁰.

Рассматривая политическую экономию как историческую по своему существу науку, Энгельс вслед за Марксом выдвигал требование создания специальной теории для каждой формации. Свою позицию в этом вопросе он четко сформулировал еще в «Анти-Дюринге». «Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной земли и политическую экономию современной Англии, — говорилось в этой классической работе научного социализма, — тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест»⁴¹.

Наряду с экономическими отношениями в первобытном обществе Маркс и Энгельс уделяли внимание исследованию первобытных форм социальной организации. Маркса, в частности, интересовал характер внутренних связей в коллективе. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» он подчеркивает вывод известного историка античности Б. Г. Нибура о том, что «племена, *организованные по родовому признаку*, древнее племен, созданных по территориальному признаку»⁴². В работе «К критике политической экономии» (1859 г.), написанной непосредственно после «Экономических рукописей» 1857—1859 годов, Маркс выдвигает тезис, противоположный общепринятым тогда представлениям о семье как исходном пункте развития рода. «Первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 417.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, т. 24, с. 497. Маркс ссылается на немецкий перевод работы Тэйлора «Исследования по ранней истории человечества» (E. B. Tylor. Forschungen über die Urgeschichte der Menschheit. Leipzig (s. d), S. 240), впервые опубликованной в оригинале в 1865 г.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 39, с. 351.

⁴¹ Там же, т. 20, с. 150—151. Вопросы первобытной экономики привлекают пристальное внимание советских ученых. См.: Ю. И. Семенов. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества.— «Сов. этнография», 1976, № 4, а также материалы дискуссии по этой статье (Там же, 1977, № 1, 3, 4). Об основных направлениях исследований в области первобытной экономики в зарубежной науке см. Ю. И. Семенов. Теоретические проблемы «экономической антропологии». — «Этнологические исследования за рубежом». М., 1973.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 469.

которой только и появляется частная семья»⁴³. Этот теоретический вывод Маркса предвосхитил эмпирические открытия науки.

В начале 50-х годов Маркс приступает к изучению такого важного института, как сельская община. Ознакомившись с клановым устройством в Шотландии, Маркс пришел к выводу, что вопреки распространенному мнению о феодальной сущности гэльского клана он принадлежит «к тем формам общественной жизни, которые в общем процессе исторического развития стоят на целую ступень ниже феодального строя»⁴⁴. К таким же «патриархальным» формам Маркс относил русскую и индийскую общины. Характеризуя структуру и отличительные особенности последней, Маркс и Энгельс отмечали такие ее черты, как общую собственность на землю, самодовлеющий характер производства, основанного на сочетании земледелия и домашней промышленности, и как следствие этого изоляцию общин⁴⁵. Отмечая коллективистские черты индийских сельских общин (в «Капитале» они характеризуются эпитетами «первобытные» и «коммунистические») ⁴⁶, Маркс подчеркивал, что «условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и природе»⁴⁷. Изолированность общин друг от друга (позднее Маркс определил эту общину как «локализованный микрокосм») ⁴⁸ вела к возникновению деспотических государств, способствовавших консервации общины и препятствовавших прогрессивному развитию общества.

К аналогичным выводам относительно роли сельской общины пришел Энгельс. Он отмечал в «Анти-Дюринге», что практически «все культурные народы» вступают в историю на стадии развития сельской (земледельческой) общины или с ее «весьма заметными остатками». Однако выполнив свою историческую миссию, община в дальнейшем становится тормозом для развития, и только там, где она разложилась, «народы двинулись собственными силами вперед по пути развития»⁴⁹.

В этой связи Маркс и Энгельс указывали на двойные последствия европейской экспансии на других континентах, прежде всего в Азии. Осуждая насилие и преступные действия колонизаторов, они вместе с тем отмечали революционизирующую роль проникновения капитализма в традиционные азиатские общества. Маркс и Энгельс подчеркивали, что в условиях капитализма прогресс неизбежно влечет за собой лишения и жертвы со стороны народных масс⁵⁰.

В теоретическом аспекте проблема общей собственности на землю и общинного строя была рассмотрена Марксом в «Экономических рукописях 1857—1859 годов». «История... показывает нам, — писал Маркс, — общую собственность ... как наиболее изначальную форму, — форму, которая еще долго играет значительную роль в виде общинной собственности»⁵¹. При этом под первоначальной формой собственности Маркс понимает «не что иное, как отношение человека к его природным условиям производства»⁵². Собственность опосредуется коллективом. «Основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому первоначально сводится община), — быть членом племени»⁵³.

⁴³ Там же, т. 13, с. 37, примечание.

⁴⁴ Там же, т. 8, стр. 523.

⁴⁵ Там же, т. 9, с. 134, 135.

⁴⁶ Там же, т. 23, с. 369; т. 25, ч. II, с. 399.

⁴⁷ Там же, т. 23, с. 89.

⁴⁸ Там же, т. 19, с. 405, 414.

⁴⁹ Там же, т. 20, с. 151, 186.

⁵⁰ Там же, т. 9, с. 224—230.

⁵¹ Там же, т. 46, ч. I, с. 24.

⁵² Там же, с. 480.

⁵³ Там же, с. 482.

Опираясь на этот критерий, Маркс выделяет ряд исторических ступеней развития общины, начиная с азиатской, в которой сохраняется «непосредственная общая собственность (восточная форма, модифицированная у славян; развитая до противоположности, но все же являющаяся еще скрытой, хотя и чреватой противоположностями, основой античной и германской собственности)»⁵⁴. Эти ступени развития общины в то же время рассматриваются как ее основные типы, служащие первоосновой различных модифицированных и производных форм. Германская община, которую Маркс рассматривал как последнюю ступень развития общины во всемирно-историческом плане, представляла собой в это время объединение мелких землевладельцев и даже собственников. В немецкой историографии первой половины XIX в. эта форма изображалась как изначальная, исконная, сохранившаяся без изменений со времен древних германцев⁵⁵. Анализируя наличную форму общины, Маркс относил ее к институтам общей собственности, проявление которой он усматривал в единой этнической и исторической основе, в сходках членов общины для решения общих дел, наконец, в совместном пользовании пастбищами, охотничьими угодьями и т. д. В целом же в этой общине «не собственность отдельного индивида выступает как опосредствованная общиной, а наоборот, в качестве опосредствованного выступает существование общины и общинной собственности, т. е. их существование выступает как связь самостоятельных субъектов друг с другом». По существу «экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства»⁵⁶. Эту общину, изображаемую в романтической немецкой историографии как выражение традиционной свободы древних германцев, Маркс представил логически как результат преобразования более древнего типа и соответственно как ступень развития общины во всемирно-историческом масштабе. Он, однако, не показал еще ее как результат конкретного развития и не ставил под сомнение достоверность концепции, господствовавшей в немецкой историографии.

В конце 60-х годов в подходе Маркса к общине произошли серьезные перемены. Непосредственным толчком к ним послужило изучение работ Маурера о германской общине. Исследования этого историка показали, что и в Германии, вопреки прежней точке зрения немецкой историографии, первоначальной была не индивидуальная форма собственности и хозяйствования, а общая. «Выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, — пишет Маркс Энгельсу в марте 1868 г., — получает здесь ... новое подтверждение»⁵⁷.

Спустя несколько дней он снова писал Энгельсу о Маурере: «Его книги имеют огромное значение. Не только первобытная эпоха, но и все дальнейшее развитие ... получает совершенно новое освещение». Касаясь далее особенностей развития науки, Маркс указывает, что подчас «вследствие какой-то слепоты суждения ... даже самые выдающиеся умы» не замечают очевидных вещей. Так, долгое время оставались незамеченными остатки древней общины в Европе. «Первая реакция на французскую революцию и связанное с ней Просвещение, — пишет Маркс далее, — естественно, состояла в том, чтобы видеть все в средневековом, романтическом свете ... Вторая же реакция, — и она соответ-

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 487.

⁵⁵ См. Б. Г. Вебер. Немецкая историография XVIII — первой половины XIX в. — «Маркс — историк». М., 1968; Н.-П. Харстик. Einführung — Karl Marx und die zeitgenössische Verfassungsgeschichtsschreibung. — «Karl Marx über Formen vorkapitalistischer Produktion», Frankfurt — New York, 1977. Критический обзор первого издания работы Харстика см. Н. Б. Тер-Акопян. Новые зарубежные публикации литературного наследия К. Маркса и некоторые проблемы первобытной истории. — «Сов. этнография», 1978, № 1.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 471; ср. с. 470, 472.

⁵⁷ Там же, т. 32, с. 43; см. также с. 36.

ствуется социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают о своей связи с ним, — заключается в том, чтобы заглянуть за пределы средневековья в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, находят самое новое, вплоть до поборников равенства»⁵⁸.

Какие же выводы сделал Маркс после ознакомления с трудами Маурера? Во-первых, он констатировал конкретно-научное подтверждение своей общей теории происхождения собственности и общинного строя, причем подтверждение, полученное на фактах германской истории, до сих пор стоявшей как бы особняком и представлявшей исключением из открытых Марксом закономерностей. Выдвинутая в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» концепция развития общины теперь могла быть применена к исследованию конкретной истории каждого народа.

Во-вторых, Маркс пришел к выводу, что препятствием на пути к познанию истины было не отсутствие фактов как таковых, а неверная интерпретация немецкой романтической историографией истории древних германцев⁵⁹. Идеи французской буржуазной революции получили в ней своеобразное преломление — германцы издревле были носителями индивидуальной свободы, равенства и братства, объединенными в общины независимых собственников. Опровержение этой концепции позволяло Марксу развить далее методологический подход к изучению первобытного общества⁶⁰.

Наконец, третий и самый важный вывод Маркса состоит в том, что открытие подлинной структуры общины соответствует социалистическому направлению в науке. Как понимать это положение? Марксу ведь и до Маурера было хорошо известно, что первобытная община носила коммунистический характер. Что же изменилось? Изменился, очевидно, сам подход Маркса к общине. На первом плане теперь не значение общины в историческом прошлом, а ее место в движении современного общества к социализму.

Именно таким был подход Маркса и Энгельса к поставленному самой историей вопросу о судьбах русской земледельческой общины. В краткой статье нет возможности осветить все этапы многолетних исследований Марксом и Энгельсом этой проблемы, частично отраженных в их выступлениях в печати. Напомним лишь их совместный вывод, изложенный в Предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» в 1882 г.: «Может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная (русская общинная) собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁶¹.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 43, 44.

⁵⁹ Маркс самокритично замечает в связи с этим: «Насколько все мы бываем связаны этой слепотой суждения» (Там же). Замечание Маркса свидетельствует о том, какое значение он придавал данным конкретных наук, проверяя на фактах все свои теории. Такой подход характерен вообще для марксизма. Так, В. И. Ленин до того момента, пока русская историческая наука сомневалась в существовании феодализма в России, воздерживался от применения этого понятия к русской истории. См. Справочный том к Полн. собр. соч. В. И. Ленина, ч. I. М., 1969, с. 295, 629.

⁶⁰ См. Н. Б. Тер-Акопян. Подход К. Маркса и Ф. Энгельса к исследованию проблем первобытной истории и месте в нем этнографических методов. — «Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества». М., 1979.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 305.

Вывод Маркса и Энгельса, как видим, сформулирован чрезвычайно осторожно и в то же время с исключительной точностью определяет ту уникальную возможность, которая существовала в течение краткого периода для России. Этот момент прошел, почва для реализации такой возможности исчезла, и Энгельс сам приложил в последние годы немало усилий, чтобы убедить в этом русских общественных деятелей⁶².

Однако значение приведенного выше положения гораздо шире. В нем на конкретном примере поставлен вопрос о возможности для той или иной страны, для того или иного общества миновать ступень развития, уже преодоленную во всемирно-историческом плане. Говоря более конкретно, в этом положении уже содержится в зародыше идея некапиталистического пути развития.

Последний документ, по которому мы можем судить о точке зрения Маркса на первобытную историю до его знакомства с работой Моргана, — это конспект книги русского ученого М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», составленный в 1879—1880 гг. Маркс прослеживает здесь процесс имущественной дифференциации внутри общин, постепенной утраты ими самоуправления и подчинения их государству. Процесс разложения общин под воздействием внутренних и внешних сил был условием и этапом перехода к классовому обществу. Именно на эту сторону дела обращал больше всего внимания Маркс, изучая богатый фактический материал, собранный М. М. Ковалевским и другими авторами. Выводы, сделанные Марксом на основе книги Ковалевского, нашли отражение в черновых набросках его письма к русской революционерке В. И. Засулич, написанных уже после прочтения книги Моргана.

Энгельс в конце 60-х — начале 70-х годов предпринял исследования по социальной истории ирландцев, а позднее, в начале 80-х годов, — также и древних германцев⁶³. Независимо от Моргана он установил некоторые явления, важные для понимания первобытной истории. Работая над материалами по истории Ирландии, Энгельс, в частности, пошел к выводу о том, что клан, т. е. род, был первичной формой общественной организации у всех народов. Этот вывод был сделан за семь лет до выхода «Древнего общества Моргана»⁶⁴. Энгельс полагал также, что общая собственность на землю, общность имущества вообще сопровождалась также групповыми брачными отношениями. Процесс восходящего развития общества заключался в «постепенном отмирании этой первобытной общности»⁶⁵.

Главным показателем развития, по мнению Энгельса, была именно «степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени»⁶⁶. Этот показатель, т. е. принадлежность индивидов к коллективу, Энгельс считал для первобытных народов более важным, чем способ производства, понимаемый в узком смысле⁶⁷. В поле зрения Энгельса находилась также проблема перехода к классовому обществу. В конце 70-х годов он выдвинул в «Анти-Дюринге» свою гипотезу о сочетании двух путей в процессе классовообразования. Клас-

---

⁶² См. письмо Ф. Энгельса русскому общественному деятелю и экономисту Н. Ф. Даниельсону от 24 февраля 1893 г. — *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 39, с. 32—35.

⁶³ См.: *Л. И. Гольман. Фридрих Энгельс — исследователь истории древних ирландцев.* — «Средние века», в. XIX. М., 1961; *Л. С. Клейн. Фридрих Энгельс как исследователь раннегерманского общества.* — «Сов. этнография», 1970, № 5.

⁶⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 45, с. 82, 83.

⁶⁵ Там же, т. 35, с. 376.

⁶⁶ Там же, с. 103.

⁶⁷ Т. е. конкретный способ добывания пищи данной общиной. Впоследствии Энгельс представил критерий уровня развития первобытного общества как обратную зависимость степени развития труда и распада родственных отношений в коллективе (Там же, т. 21, с. 25).

сы, по мнению Энгельса, возникали как в результате имущественного расслоения внутри общин, так и узурпации политической власти должностными лицами и сплочения отдельных лиц в господствующий класс⁶⁸.

Мы кратко изложили развитие взглядов Маркса и Энгельса в области первобытной истории до их знакомства с исследованиями Моргана⁶⁹. Из нашего обзора вытекает вывод о том, что у Маркса и Энгельса задолго до того, как они ознакомились с работой Моргана, возникла определенная концепция первобытного общества и его истории. Вопреки мнению, имеющему определенное распространение в советской науке, они никогда не смешивали первобытную формацию ни с какой другой, в том числе и с азиатским способом производства⁷⁰. Разумеется, определенные первобытные черты и даже институты сохранились и в более высоких общественных формациях. Попытаемся теперь охарактеризовать важнейшие результаты, к которым пришли Маркс и Энгельс.

Маркс и Энгельс исследовали роль труда в процессе выделения человека из животного мира и показали решающее значение этого фактора в становлении человеческого общества. Они выделили первобытную историю как особую стадию, особую эпоху в развитии человечества и установили при этом основные отличительные черты первобытного общества, в частности общую собственность, отсутствие эксплуатации и деления на классы. Маркс и Энгельс охарактеризовали господствовавшие в первобытном обществе кровнородственные связи как первичные социальные отношения. Особое внимание они уделяли изучению процессов разложения первобытной общности и перехода к классовому обществу. Они допускали также теоретическую возможность использования при определенных условиях общины как опоры при переходе к коммунистической формации. Следует отметить, что к этим вопросам Маркс и Энгельс пришли в результате как чисто теоретических исследований в области философии и политической экономии, так и изучения конкретного хода истории.

Из всего сказанного само собой вытекает, что Маркс и Энгельс уже решили в общей форме те проблемы, которые в конкретной форме были исследованы Морганом. В общем плане истории науки такая трактовка хотя и представляется правильной, но далеко не исчерпывающей⁷¹.

Есть одно важное обстоятельство, на которое следует обратить внимание. Общее и частное решения проблемы были достигнуты совершенно независимо друг от друга. Если Марксу и Энгельсу до начала 80-х годов оставались неизвестными открытия Моргана, то и Моргану в свою очередь до конца жизни не довелось ознакомиться с их трудами. Здесь можно говорить разве только о некоторых общих источниках, например, работах Дарвина. Следует также учесть, что речь идет не о том нередком в истории науки явлении, когда одно и то же конкретное открытие делается почти одновременно двумя и более исследователями независимо друг от друга. Такого рода явления находят свое объяснение в общей обстановке, когда «идеи носятся в воздухе», или открытие

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 184—185.

⁶⁹ Маркс ознакомился с его книгой «Древнее общество» после октября 1879 г. К началу марта 1881 г. он уже составил конспект этой книги (Там же, т. 45, с. 524). Энгельсу известно об открытиях Моргана со слов Маркса не позднее конца 1882 г. В начале января 1884 г. он ознакомился с конспектом Маркса, а в начале марта того же года — с самой книгой Моргана (см. Там же, т. 35, с. 103; т. 36, с. 97, 109).

⁷⁰ См. В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1977, с. 135, 136.

⁷¹ Недостаточность подобной оценки видна хотя бы из того, что по этому вопросу высказываются диаметрально противоположные точки зрения: либо решение Маркса изображается как слишком общее и поэтому неприменимое в конкретной науке (см. S. F. Nadel. The foundations of social anthropology. London, 1953, p. 379), либо Марксу приписывается роль подлинного основателя даже и самой этнографической науки (см. G. Guhr. Karl Marx und theoretische Probleme der Ethnographie.—«Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Bd XXVI, Beiheft. Berlin, 1961, S. 1—169, passim.).

«назрело». В нашем случае мы сталкиваемся, очевидно, с более сложной закономерностью взаимодействия общего развития научной мысли и исследований в конкретных областях. Некоторый свет на характер этого процесса может пролить, по-видимому, рассмотрение дальнейшего развития науки после того, как эти две линии сошлись.

Что же увидели в трудах Морган Маркс и Энгельс, когда эти труды оказались в их поле зрения? Простое ли подтверждение своей точки зрения или нечто большее? Судя по их собственным высказываниям, исследования Морган означали такой шаг вперед в данной конкретной области, который позволял дальше развивать и общую теорию исторического материализма.

Обратимся к фактам. Конспект книги Морган, составленный Марксом,— первое письменное свидетельство его отношения к теории Морган⁷². Здесь нет необходимости подробно анализировать его содержание, остановимся только на некоторых существенных для нас чертах. Труд Морган воспроизведен Марксом во всех деталях, лишь с незначительными пропусками. Напротив, имеются добавления из других источников, подтверждающие правильность концепции Морган. Критика носит позитивный характер: некоторая перестановка глав, в результате чего базисные явления рассматриваются до надстроечных, развертывание отдельных мыслей Морган, разумеется, и всякого рода уточнения и замечания. Характер конспекта навел Энгельса на мысль о том, что Маркс сам собирався выступить со специальной работой на эту тему и ознакомить широкую публику с открытиями Морган⁷³. Уже это одно свидетельствует о чрезвычайно большом значении, которое Маркс им придавал.

Что же именно выделял он в исследованиях американского ученого? Здесь нет и не может быть двух мнений — открытие рода как принципа организации первобытного общества. Это следует не только из выделения этой проблемы в конспекте книги Морган, но и из критики Марксом трудов Г. Мейна и Дж. Леббока, которых он обвиняет в непонимании сущности первобытного общества, в незнании рода⁷⁴. Род — продукт истории, он претерпел определенные изменения, но, однажды «возникнув, продолжает оставаться *единицей* общественной системы, в то время как *семья подвергается большим изменениям*»⁷⁵. Так Маркс резюмирует важнейший результат исследований Морган.

Но почему же Маркс придавал такое значение этому открытию? Ведь он и Энгельс и сами установили решающее значение родственных связей в первобытном обществе. Кроме того, род (правда, поздний, отцовский) был широко известным явлением. Чтобы выяснить, как обстоит дело, проведем одно небольшое сравнение. Факт эксплуатации рабочих и наличие прибыли у предпринимателей были столь же широко известным явлением. Однако лишь с открытием прибавочной стоимости, этого глубоко скрытого механизма капиталистического общества, была понята природа этого строя и возникла перспектива его сознательного преобразования.

Изыскания Морган привели еще к одному выводу, на который Маркс обратил особое внимание. На с. 29 рукописи своего конспекта он дважды подчеркнул следующие слова Морган: *Гибель общества угрожает стать завершением исторического поприща, единственной конечной целью которого является собственность*.

⁷² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, Предисловие, с. X—XVI; см. также И. Л. Андреев. К. Маркс о структуре и закономерностях развития первобытнообщинной формации в конспекте книги Л. Г. Морган «Древнее общество». — «Сов. этнография», 1978, № 1, с. 34—47.

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 97.

⁷⁴ Там же, т. 45, с. 399—401, 432.

⁷⁵ Там же, с. 329.

И далее воспроизвел следующую мысль Моргана: «Он (высший общественный строй) будет возрождением, в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов»⁷⁶. Морган, таким образом, оказался первым среди исследователей первобытности, работы которого показывали социалистическую направленность развития общества. Этот вывод свидетельствовал также о последовательном историзме автора — качестве, которое Маркс и Энгельс ценили в науке превыше всего⁷⁷. Итак, этот «республиканец-янки» (лаконичная политическая характеристика, данная Марксом, предвосхитила позднейшие оценки) оказался много выше своих европейских коллег, в большинстве своем «прирожденных придворных лакеев»⁷⁸.

Энгельс в своих оценках творчества Моргана был полностью солидарен с Марксом. Однако его высказывание о том, что «Морган в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл Марксово материалистическое понимание истории»⁷⁹, иногда считают преувеличением. Между тем анализ научного пути, пройденного Морганом, полностью подтверждает эту оценку. Ведь именно открытие материальных движущих сил развития древнего общества лежало в основе всей концепции Моргана.

Высокая оценка Марксом и Энгельсом научных заслуг Моргана отнюдь не означала некритического отношения к его теории с их стороны. В своем конспекте «Древнего общества» Маркс отмечал и известную непоследовательность моргановской терминологии, носившей следы идеалистических влияний, и недооценку Морганом значения некоторых важных факторов (например, применения огня) для развития первобытного человечества⁸⁰. Также и Энгельс, завершая работу над книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства», указывал в одном из писем: «Было бы нелепо лишь объективно излагать Морганá, а не истолковать его критически и, использовав вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»⁸¹. Энгельс подверг критическому анализу не только теоретические выводы Моргана, но и источниковедческую основу его работы. В связи с этим он внес добавления в главы, посвященные Греции и Риму, написал заново разделы о кельтах и германцах, а также полностью переработал «экономические обоснования» истории первобытного общества⁸². Внимательно следя за дальнейшим развитием исследований по первобытной истории, Энгельс констатировал в предисловии к четвертому изданию своей работы, что «некоторые отдельные гипотезы Моргана были... поколеблены или даже опровергнуты»⁸³. Тем не менее сохранила свое значение та фактическая основа первобытной истории, которую «открыл и восстановил в главных чертах» Морган⁸⁴.

⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, с. 269.

⁷⁷ Морган с самого начала видел соотношение между индейскими племенами и обществом, созданным европейскими колонистами в Америке, в историческом свете, объясняя разрыв в уровне развития не расовыми или этническими особенностями, а тем обстоятельством, что индейцы не прошли еще определенные ступени исторического прогресса. В одной из своих статей, написанной в связи с неудачными попытками приобщить индейцев к промышленному труду, Морган писал: «Мы удивляемся тому, что индейцы не могут цивилизоваться? Но ведь они не могут перескочить через этнические периоды, так же как не могли этого сделать и наши предки варвары» (цит. по: F. Eggan. The American Indian. Chicago, 1966, p. 163).

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, с. 336.

⁷⁹ Там же, т. 36, с. 97.

⁸⁰ Там же, т. 45, с. 257.

⁸¹ Там же, т. 36, с. 123.

⁸² Там же, т. 21, с. 26, 27.

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 225.

⁸⁴ Там же, т. 21, с. 26.

Сохранила свое значение и «система, внесенная им в первобытную историю»⁸⁵.

Открытия Моргана нашли отражение в дальнейшем развитии Марксом и Энгельсом общей теории развития человеческого общества, в особенности на ранних ступенях. Ссылки на Моргана встречаются в письмах и записях Маркса и Энгельса в последний период их творческой деятельности. Изучение «Набросков ответа» Маркса на письмо В. Засулич, хотя и незавершенного, но очень важного теоретического исследования, показывает, что новая периодизация истории, содержащаяся в «Набросках»⁸⁶, самым непосредственным образом связана с результатами исследований Моргана. Первобытная, или, как предпочитает именовать ее Маркс, «первичная», или «архаическая», формация представляет собой настолько обширную и своеобразную стадию развития, что по отношению к ней последующие эксплуататорские (рабовладельческие и феодальные) общества могут рассматриваться также как единая «вторичная» формация. Грани между этими обществами уступают по значению черте, отделяющей первичную формацию от вторичной. Таким образом, открытия Моргана, с одной стороны, дали импульс новому развитию общей теории исторического процесса — исторического материализма. С другой стороны, генерализация теории Моргана и ее критическая переработка в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» по сути дела открыли широкие возможности для дальнейшего развития науки о первобытном обществе.

Страница истории науки, которую мы выше попытались осветить, свидетельствует о том, что развитие исторического материализма и конкретных исторических наук может происходить только при самом тесном их взаимодействии.

THE APPROACH OF MARX AND ENGELS TO EARLY HISTORY AND CERTAIN PROBLEMS CONNECTED WITH MORGAN'S THEORY

An attempt is made in the paper to clarify the role played by Morgan's theory in the development of the dialectic-materialist conception of early history. Examination of the views on primitive society held by Marx and Engels prior to their acquaintance with the works of Morgan shows that by that time the basic features of their conception of earlier history had already taken shape. Marx and Engels formed this conception by analyzing general regularities of the historic process; their views on early history were an organic part of their theory of socioeconomic formations in general. In his turn, Morgan, by studying concrete ethnographic material, discovered the basic principles of the social organization of primeval peoples and came to a materialistic explanation of the motive forces behind the development of primitive society. The results of Morgan's studies, his conclusions were in general agreement with the conception of early history worked out by Marx and Engels and with the theory of socioeconomic formations. Morgan's discoveries made it possible to express the dialectical-materialistic theory of the primitive formation in more concrete terms, to lend it greater precision and to develop further the theory of socioeconomic formations.

⁸⁵ Там же, т. 22, с. 225.

⁸⁶ Там же, т. 19, с. 400—421. Об этом произведении Маркса см.: Н. Б. Тер-Акопян. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине.— «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1973, с. 214—219; И. Л. Андреев. К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич.— «Сов. этнография», 1979, № 5, с. 3—21; W. Küttler. Kritik des Gothaer Programms und Briefkonzepte für Vera Zasulic — Kommunismus, Urgesellschaft und Formationsbegriff.— «Formationstheorie und Geschichte» Berlin, 1978, S. 238—254.